

От Абрикосовых до Щукиных: «Новые русские» и наука

Н.Ю.Масоликова,
М.Ю.Сорокина,
кандидат исторических наук
Дом русского зарубежья им.А.И.Солженицына
Москва

Наука и бизнес — две вещи несовместные. Этот перефраз известных пушкинских строк был сердцевиной господствовавшего многие годы стереотипа общественного сознания. Что важнее для развития науки: деньги или свобода? Еще вчера ответ на этот вопрос казался очевидным, сегодня он представляется более сложным. Российский опыт 20-го столетия — расцвет многих научных дисциплин в годы сталинского режима и их стагнация в период демократического реформирования страны — поставил обескураживающие вопросы не только перед учеными. Между тем исторический опыт наших соотечественников, да и весь опыт современной науки свидетельствуют, что само противопоставление науки и бизнеса, денег и свободы достаточно абсурдно.

Первые научные меценаты

На рубеже XIX—XX вв. Российская империя энергично трансформировалась из окраинной аграрной страны в индустриальное государство. Научное общество, накопившее к тому времени значительный интеллектуальный и технологический потенциал, искало новых партнеров для инвестиции своих идей, знаний и опыта в развитие страны. Оно стремилось разви-

вать интенсивное взаимодействие одновременно и с имперской властью, и с молодой российской буржуазией. Последняя весьма активно поддерживала создание новых образовательных и научных учреждений.

Создание первых российских научно-исследовательских институтов обязано именно поддержке отечественных меценатов. Достаточно вспомнить историю знаменитого Института экспериментальной медицины, любимого детища принца Александра Петровича Ольденбургского (1844—1932), или Психоневрологического института, созданного в 1907 г. выдающимся отечественным психоневрологом Владимиром Михайловичем Бехтеревым (1857—1927) и первыми годами своего существования обязанного исключительно частным пожертвованиям.

Свой выбор меценаты делали вполне осознанно. Предпринимательская Россия стремилась вкладывать деньги в самую передовую науку и поддерживала именно те направления, которые мы сегодня назвали бы инновационными. Важно, однако, что капиталы тогдашних «новых русских» направлялись не только на стимулирование прикладных научных исследований, обеспечивающих технологическое перевооружение, на повышение эффективности производства и тому подобные составляющие экономического прогресса общества, но и на пе-

реустройство ментального и культурного ландшафтов. Наиболее дальновидные предприниматели, понимавшие невозможность и бессмысленность технологической революции вне «нового человека», активно и щедро вкладывали деньги в науку, образование, медицину.

Так, управляющий Томским отделением Сибирского торгового банка Валериан Тимофеевич Зимин (1847—1911) поддерживал идею разработки новых принципов воспитания человека с ранних лет и реорганизации российского народного образования на этой основе. За созданием программы экспериментального изучения психики ребенка банкир обратился к Бехтереву, известному не только своими пионерными научными исследованиями, но и выдающимися организаторскими способностями и удивительным чутьем на все новое, в том числе в сфере научного менеджмента. Научный авторитет и репутация открытого новациям научного администратора — вот две главные составляющие, привлекавшие значительные частные капиталы в Петербургский психоневрологический институт. В 1907 г. Зимин пожертвовал бехтеревскому институту капитал в процентных бумагах на сумму в 52 200 руб. и наличными деньгами 160 руб. 71 коп. «для устройства при институте интерната с психологической лабораторией для изучения и воспита-

ния человека с первых дней его жизни до конца школьного возраста, а буде возможно, то и до совершеннолетия» [1. С.23]. По условиям передачи капитала часть пожертвованных средств шла на постройку каменного здания интерната с психологической лабораторией на принадлежавшей институту территории. Остальной капитал должен был поступить в неприкосновенный фонд в память известного педагога Константина Дмитриевича Ушинского (1824—1871); на проценты с этого капитала институт и должен был содержать интернат. В соответствии с договором Зимин оставался пожизненным попечителем интерната. Уполномоченным для принятия капитала институт предлагал профессора-психиатра Митрофана Степановича Добротворского (1858—1911), заведовавшего денежно-хозяйственной частью. В результате соглашения интернат, построенный и содержавшийся на деньги Зимина, в дальнейшем послужил основой для организации самостоятельного Педологического института в рамках Психоневрологической академии.

«Бехтеревская акция» Зимина не была его единственным пожертвованием. Кроме того, он передал более 100 тыс. руб. на строительство Бактериологического института при Томском университете, устраивал народные библиотеки и читальни, воскресные школы, учредил несколько стипендий учащимся сибирякам в петербургских высших учебных заведениях. Разумеется, такое масштабное участие предпринимателя в развитии инфраструктуры научных исследований стало возможным благодаря высокому интеллектуальному уровню самого Зимина, который получил высшее образование в Льежском университете (Бельгия). В то же время его благотворительные инициативы отражали важную общую тенденцию и даже моду того

времени на безвозмездную поддержку национальной науки.

Предприниматели, не заканчивавшие университетов, также стремились участвовать в этом своего рода «общенациональном проекте» и за советами по использованию своих капиталов в благотворительных целях обращались к научным экспертам. Так, профессор Московского университета физик Николай Алексеевич Умов (1846—1915) консультировал в 1902 г. промышленника Христофора Семеновича Леденцова. Когда после кончины Леденцова выяснилось, что его капиталы (около 2 млн руб.) завещаны «на науку», было решено учредить Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений им.Х.С.Леденцова при Московском университете и Московском техническом училище [2. С.125—128]. Именно Леденцовское общество, как его называли неофициально, стало той организацией, которая еще в 1910—1911 гг. поддержала изыскания В.И.Вернадского и его коллег по изучению радиоактивных материалов Российской империи. И это всего лишь несколько примеров благотворительности в научной области, которые можно увеличивать.

Значительно менее известен вклад самих «новых русских» в науку и научные исследования. Между тем если их первое поколение было занято в основном развитием производства и накоплением капитала, то дети предпочитали иной жизненный путь и часто шли в науку, где достигали самых больших высот. Интересно и то, что они выбирали, как правило, те научные дисциплины, которые бесконечно далеко отстояли от занятий их предков. Так, сын купца 1-й гильдии Сергей Григорьевич Елисеев (1889—1975) стал крупнейшим русским, а затем, в эмиграции, американским и французским востоковедом-японистом, основателем американской школы японистики. Археолог и историк восточного искусства

Принц А.П.Ольденбургский.

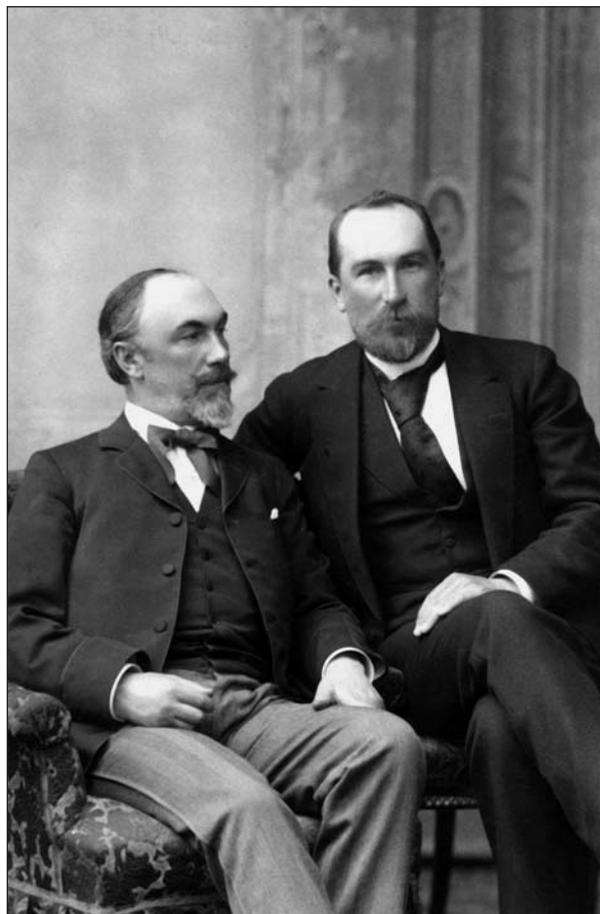
Х.С.Леденцов.

Д.П.Рябушинский.

Знаменитый кондитер Алексей Иванович Абрикосов с внучками Рахмановыми. Москва. Вероятно, 1894 г.

Братья Николай и Алексей Алексеевичи Абрикосовы. Москва. 1894 г.

ва, первооткрыватель «бронзового века» Юго-Восточной Азии Виктор Викторович Голубев (1878—1945), также представитель известной промышленной династии, четверть века преподавал во Французской школе Дальнего Востока и первым осуществил археологическую аэрофотосъемку Индокитая. Специалист по аэродинамике Дмитрий Павлович Рябушинский (1882—1962), представитель известного предпринимательского рода, еще в 1904 г. создал в своем имении Кучино под Москвой Аэродинамический институт, а после вынужденного ухода в эмиграцию продолжал исследовательскую и преподавательскую работу во Франции и воспитал целую школу специалистов по аэродинамике и механике [3. С.153—165].

Становление и развитие российской психологии как самостоятельной научной дисциплины тесно связано с именами представителей двух русских предпринимательских династий — Абрикосовых и Щукиных.

Абрикосовы

Знаменитая московская предпринимательская династия Абрикосовых, известная с конца XVIII в., подарила России целую плеяду выдающихся имен во всех областях деятельности — от дореволюционного «кондитерского короля» Алексея Ивановича Абрикосова (1824—1904) до нобелевского лауреата по физике, академика РАН Алексея Алексеевича Абрикосова. В отличие от многих канувших

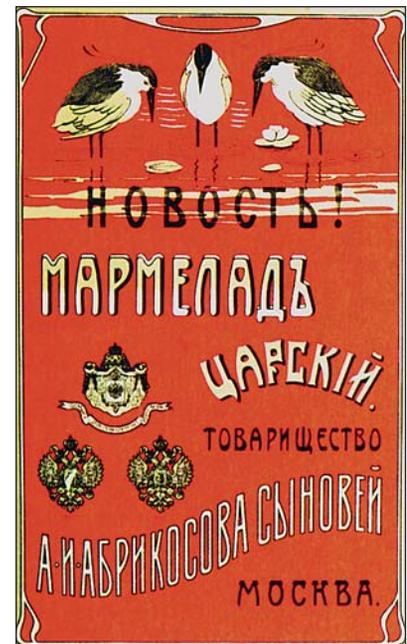
в лету или полузабытых имен российского прошлого, фамилия Абрикосовых широко представлена на современной карте Москвы. Тихий Абрикосовский переулок в Хамовниках назван в честь патологоанатома, действительного члена двух академий — медицинских наук и АН СССР Алексея Ивановича Абрикосова (1875—1955), больше всех знавшего о тайнах кремлевской жизни и смерти. Родильный дом на Миусах носит имя Агриппины Александровны Абрикосовой (1832—1901), его основательницы и одной из самых щедрых благотворительниц дореволюционной Москвы. Да и «Раковые шейки» и «Гусиные лапки», которые так любят наши дети, — бренды, придуманные Абрикосовыми, а популярный шоколад «Бабаев-

ский» — на самом деле «Абрикосовский».

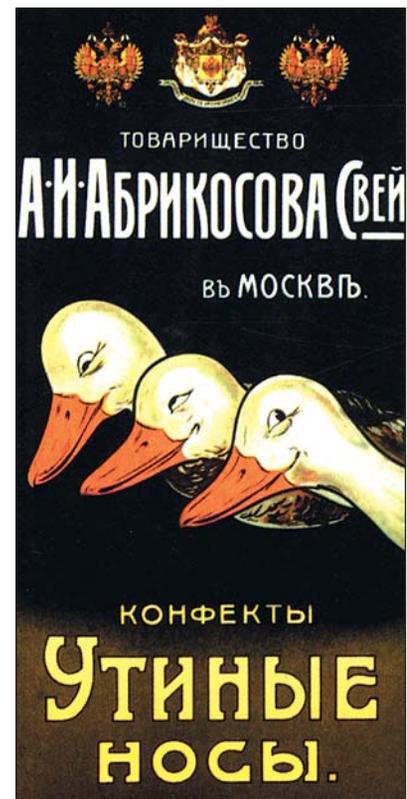
Несмотря на то, что семейный бизнес требовал огромного внимания и контроля, сыновья «кондитерского короля» А.И.Абрикосова — братья Николай (1850—1936) и Алексей (1856—1931) Алексеевичи Абрикосовы — свое сердце отдавали науке и стояли у истоков создания в 1884 г. первого в России Московского психологического общества. Инициатором его создания выступил философ Матвей Михайлович Троицкий (1835—1899), в течение многих лет декан историко-филологического факультета Московского университета и его ректор (1895—1896). Любопытно, что общество возникло сразу после того, как в 1884 г. в России был введен новый университетский устав, в соответствии с которым логика и психология были изъяты со всех факультетов, кроме историко-филологического. Между тем Общество объединило таких видных ученых-естественников, профессоров Московского университета, как математик Н.В.Бугаев, антрополог Д.Н.Анучин, зоолог А.П.Богданов, медик А.Я.Кожевников, и тем самым сохранило тренд на развитие психологии как экспериментальной науки. Его Устав был утвержден 15 июля 1884 г., а уже 24 января 1885 г. состоялось первое организационное заседание. По воспоминаниям Я.Н.Колубовского, «скоро [Общество] сделалось самым популярным в Москве, и бывать на его заседаниях было чуть не признаком хорошего тона. Ряды Общества стали развиваться. На заседаниях бывал и Л.Н.Толстой, выступавший даже с докладом. После цикла заседаний, посвященных вопросу о свободе воли, явилась мысль издать все доклады отдельным томом, а отсюда было уже недалеко и до мысли о собственном журнале. Остановка была за средствами...» [4. С.136]. Эти средства были обеспечены братьями Абрикосовыми, и благодаря их матери-

альной поддержке с 1889 г. в России стал издаваться первый психологический журнал «Вопросы философии и психологии», имевший значительную популярность в самых широких кругах интеллигенции. В 1890-е годы количество его подписчиков достигало почти 2 тыс. человек, что было весьма значительным числом для того времени.

Николай Абрикосов, совладелец «Товарищества А.И.Абрикосова сыновей» и член его совета директоров, с юности мечтал о науке. «Одна из могучих потребностей человеческого духа, — писал он сестре в ноябре 1880 г., — это стремление к истине. Потребность ненасытная, ибо достичь истины не дано человеку, а потому потребность вечная, непроходящая. Всякое, хотя ничтожное, хотя самое слабое удовлетворение этих потребностей дает человеку высокое счастье» [5]. Николай окончил физико-математический факультет Московского университета, опубликовал несколько научных статей, в том числе в журнале «Вопросы философии и психологии», и под псевдонимом Абров книгу «От Марселя до Одессы через Афины и Константинополь. Впечатления и заметки» (М., 1893). Однако как старший наследник он был вынужден отдавать большую часть времени сладкому семейному бизнесу, хотя, по воспоминанию его сына Хрисанфа, «внутренняя борьба его со средой и отвращение к наживе проходили красной нитью через всю его жизнь» [5]. Активное участие в работе Московского психологического общества служило для Николая Абрикосова своего рода компенсацией за невозможность посвятить жизнь естественным наукам. С момента основания Общества он был его членом и в течение двух десятилетий, до 1905 г., бессменным казначеем, обеспечивавшим спокойную и эффективную работу общества. Одновременно Н.А.Абрико-

Мармелад царский Товарищества «А.И.Абрикосова сыновей». Плакат. 1900-е годы.

Конфеты «Утиные носы» Товарищества «А.И.Абрикосова сыновей». Плакат. 1900-е годы.

Патологоанатом Алексей Иванович Абрикосов. Москва. 1939 г.

Алексей Алексеевич Абрикосов, лауреат Нобелевской премии по физике, племянник Д.И.Абрикосова. Москва. 1950-е годы.

сов был издателем журнала «Вопросы философии и психологии» и входил в состав его редколлегии. На его средства был напечатан ряд работ М.М.Троицкого, в том числе «Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа» (Т. 1—2. М., 1882) и «Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка» (Т. 1—2. М., 1883). Женившись на Вере Николаевне Кандинской (1852—1925), кузине отца художника В.В.Кандинского, он имел от нее шестерых детей и совместно с ними воспитывал еще пять племянников, детей скончавшегося брата Ивана. Щедрый благотворитель, Н.А.Абрикосов в конце жизни оказался практически лишенным средств к существованию в советской России, но, сохраняя присутствие духа, занимался переводами из Рабиндраната Тагора и других философов. Его мечту о науке реализовали уже внуки: Николай (1908—1988) стал металловедом, доктором химических наук, а Илья (1915—1999) — геологом-нефтяником, доктором геолого-минералогических наук.

Младший брат Н.А.Абрикосова, Алексей, был товарищем назначен Психологического общества и соиздателем журнала «Вопросы философии и психологии». Он получил высшее образование за границей, в дрезденском политехникуме, и после возвращения в Россию и женитьбы на Надежде Николаевне Хлудовой (1862—1936), также наследницы богатого московского купеческого рода совладельцев Кренгольмской мануфактуры*, открыл литературно-художественный салон, где

* Вскоре этот брак распался. В 1900 г. Надежда Абрикосова венчалась с Карелом Крамаржем (1860—1937), будущим первым премьер-министром независимой Чехословакии. После 1917 г. Н.Н.Крамарж активно поддерживала русскую эмиграцию в Праге.

можно было встретить многих известных писателей, артистов, ученых. Стремление максимально интегрироваться в элитную культурную и научную среду было общей чертой второго поколения «новых русских». Дипломат Дмитрий Иванович Абрикосов (1876—1951), племянник братьев Н.А. и А.А.Абрикосовых, с грустью отмечал, что «третье поколение делало следующий шаг, строя карьеру, уже не связанную с коммерческой деятельностью, или просто ведя свободную жизнь, но, как правило, они поддерживали наиболее крайние течения искусства или политики и обычно растрачивали наследство, заработанное тяжелым трудом их дедов и отцов» [б. С.30].

Между тем в случае Абрикосовых эта закономерность не оправдалась. И дети, и внуки, и другие члены рода вели достаточно скромный образ жизни и сохраняли искреннюю привязанность к науке и искусству. Уместно сказать, что дочери А.И.Абрикосова связывали свои судьбы с представителями научного сообщества: Софья (1865—1948) вышла замуж за медика, впоследствии главного врача родильного дома им. А.А.Абрикосовой, профессора Александра Николаевича Рахманова (1861—1926); Любовь (1866—1949) стала женой одного из основателей российской судебной медицины, профессора Московского университета Петра Андреевича Минакова (1865—1931); Надежда (1874—1951) вступила в брак с Сергеем Николаевичем Васильевым (1870—1949), сотрудником Политехнического музея. «Научную линию» генеалогии Абрикосовых поддержала дочь Н.А.Абрикосова Вера (1875—1942), вышедшая замуж за Николая Александровича Шилова (1872—1930), профессора Академии химической защиты РККА [7. С.85—91]. Их дочь Ирина (1898—1958), инженер-химик, связала свою судьбу с выдающимся специа-

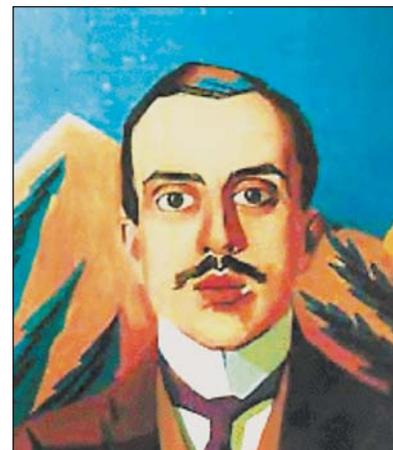
листом в области авиамоторостроения Борисом Сергеевичем Стечкиным (1891—1969), академиком АН СССР и первым директором Института двигателей АН СССР.

Среди потомков «кондитерского короля» — профессор механико-математического факультета Московского университета Андрей Минаков (1893—1954); профессор Московского Технологического института легкой промышленности Сергей Васильев (1904—1999); выдающийся гематолог, лауреат Государственной премии СССР, профессор Петр Васильев (1905—1990); член-корреспондент РАН, цитолог Юрий Васильев и многие другие специалисты, посвятившие себя служению науке.

Щукины

Если Абрикосовы внесли значительный вклад в пропаганду психологии как самостоятельной научной дисциплины и поддерживали деятельность профессионального психологического сообщества, то создание первого в России психологического научно-исследовательского института связано уже с именем другого, но тоже московского, предпринимательского рода — Щукиных.

Как известно, братья Щукины вошли в историю мировой культуры как страстные и удачливые коллекционеры произведений искусства. Николай Щукин собирал старинное серебро, Петр коллекционировал фарфор, жемчужное шитье, древние книги и эмали. Благодаря удивительному «чутью изящного» и подвижнической деятельности Сергея Ивановича Щукина (1854—1936) его особняк на Знаменке, вблизи строящегося в то время Цветовского Музея изящных искусств императора Александра III, стал родным домом для произведений европейских художников, прежде всего им-

Портрет И.С.Щукина. Картина Мартироса Сарьяна. 1911 г.

прессионистов и постимпрессионистов (К.Моне, Э.Дега, П.Сезанна, П.Гогена, П.Пикассо, А.Матисса, А.Руссо и др.).

В историю науки имя С.И.Щукина навсегда вошло как имя мецената, обеспечившего создание первого в России психологического научно-исследовательского и образовательного института, торжественно открытого в Москве 23 марта 1914 г. Институт входил в состав Московского университета и носил имя первой жены С.И.Щукина — Лидии Григорьевны Кореневой (1864—1907). Многие годы считалось, что финансовое участие Щукина в этом проекте было обусловлено прежде всего его тяжелым душевным состоянием, связанным с трагической кончиной в течение 1905—1910 гг. нескольких ближайших членов его семьи — сыновей Сергея и Григория, жены и брата Ивана — и желанием увековечить их память.

Однако эта версия не очень ловко объясняет, почему проект именно психологического института был избран С.И.Щукиным для этой цели. Архивные документы свидетельствуют, что выбор не был случайным или импульсивным поступком миллионера. Интерес к глубинам человеческой психики был обусловлен у С.И.Щукина не только печальными событиями

Г.И.Челпанов в группе членов Психологического института.

в семье**, но и вполне рациональными причинами. Сын Сергея Ивановича Иван, в те годы студент Московского университета, был участником знаменитого Психологического семинария профессора Георгия Ивановича Челпанова (1862—1936) и выступил инициатором привлечения отца к реализации мечты профессора о специализированном психологическом институте.

Фигура Ивана Щукина заслуживает того, чтобы сказать о нем отдельно. Он родился 2 января 1886 г. в Москве [8], здесь же в 1904 г. окончил частную гимназию Л.И.Поливанова. Интерес к философии привел его весной 1906 г. на семинар профессора-

** Оба сына покончили жизнь самоубийством.

неокантианца Германа Когена в Марбургском университете (Германия) и на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Здесь почти одновременно с ним и у тех же профессоров учится Борис Пастернак. Но в отличие от поэта, очень скоро сказавшего «Прощай, философия», Щукин-младший постоянно участвовал в работе Психологического семинария Г.И.Челпанова (выступил с докладом «О вещи в себе по Когену», неоднократно оппонировал коллегам), а в 1911 г., по окончании курса, за сочинение «Учение Шопенгауэра о вещи в себе в связи с его критикой кантовой философии» был удостоен диплома I степени. По представлению профессора Льва Михайловича Лопатина (1855—1920), предсе-

дателя Московского психологического общества в это время, Ивана Щукина оставили для приготовления к профессорскому званию по кафедре философии на два года без содержания [8].

В годы учебы Щукин-младший познакомил отца с Г.И.Челпановым, который в диалоге с С.И.Щукиным в 1910 г. показал себя не просто носителем абстрактной идеи и очередным просителем средств, но обрисовал вполне конкретные планы и представления о характере и структуре будущего научно-исследовательского института, тонко увязав их с патриотическим настроением потенциального благодотворителя. Он отметил, что в Германии психологические институты, совмещающие функции исследовательского и образовательного характера, стали возникать еще лет 20—25 назад (лаборатория Вильгельма Вундта в Лейпциге — 1879 г.), а Россия отстала в этом процессе. По мысли профессора, создание нового института должно было способствовать первенству страны в новой научной области: «По размерам и богатству, оборудованию, — писал Челпанов, [институт] будет не только превосходить все европейские институты, но будет равняться самым большим американским. Это будет первый институт в мире, который строится со специальной целью... и может сделаться центром широкого распространения психологических знаний по всей России» [9. Л.2-2об.].

Получив принципиальное согласие мецената на безвозмездное выделение очень значительных по тем временам средств — 100 тыс. руб. на постройку здания для института и еще 20 тыс. руб. на приобретение оборудования, для поддержки своего проекта летом 1910 г. Челпанов вместе со своим учеником, приват-доцентом Густавом Густавовичем Шпетом (1879—1937) побывал в лабораториях немецких университетов, а в 1911 г. предпринял поездку в США, где познако-

мился с устройством психологических лабораторий при Гарвардском, Стэнфордском и других ведущих американских университетах.

Менее чем за два года — срок немислимо короткий для наших дней — институт был построен и оборудован. Уже в апреле 1912 г. министр народного просвещения Л.А.Кассо утвердил «Временные правила о Психологическом институте при Императорском Московском университете» [9. Л.20-20об.], а с 1 сентября в институте начались регулярные занятия. По условиям договора между университетом и меценатом новому институту присваивалось имя жены С.И.Щукина, Лидии Григорьевны, в фойе должен был висеть ее портрет, а день ее рождения предстояло ежегодно торжественно отмечать. Однако, как это нередко бывает в России, получив здание и оборудование, о встречных обещаниях забыли. И только в июне 1917 г. новый министр народного просвещения профессор А.А.Мануйлов, когда-то уволенный из Московского университета министром Л.А.Кассо, разрешил присвоить Психологическому институту

официальное наименование «Психологический институт имени Лидии Григорьевны Щукиной при Московском университете» [9. Л.34-34об.].

В таком статусе институт пережила Гражданскую войну, но после нее пал под натиском новых кадров. В 1924 г. он был переименован в Государственный институт экспериментальной психологии, а все следы частной благотворительности — имя Л.Г.Щукиной на фронтоне здания, мемориальная доска с указанием жертвователя — уничтожены. Только в 1992 г. исконное название — «Психологический институт им.Л.Г.Щукиной» — было возвращено [10. С.3—16].

Не менее драматически сложились и судьбы людей, стоявших у истоков института. После Октябрьской революции 1917 г. С.И.Щукин с семьей уехал в Германию, а затем перебрался во Францию. Вместе с отцом бежал из России и Иван Щукин. В эмиграции он изменил специальность — окончил Школу восточных языков Сорбонны, защитив диссертацию на степень доктора по истории древнего искусства Персии и Индии. Вероятно, сказались отцовские ге-

ны. Еще в юношеские годы Иван сделался страстным коллекционером восточного искусства. В эмигрантском Париже 20-х годов он активно сотрудничал с японистом С.Г.Елисеевым; в последующие годы специализировался на описании восточных миниатюр, рукописных собраний, в частности Стамбульского и Каирского университетов. Будучи сотрудником Французского археологического института в Бейруте, он много лет жил в Ливане, где собрал большую коллекцию древнерусских икон. Иван Щукин трагически погиб в 1976 г. во взорванном над Бейрутом самолете.

История отечественной науки — это всегда калейдоскоп людских судеб. Бедные и богатые, гении и злодеи, страдальцы и филантропы, — все они часть единого социума, существующего в динамично изменяющемся социально-политическом и культурно-историческом ландшафте. Интенсивность внутренних связей и полей притяжения разных частей этого социума во многом определяет и его будущее, и перспективы развития отдельных его составляющих. ■

Литература

1. *Акименко М.А.* Институт им.В.М.Бехтерева: от истоков до современности (1907—2007 гг.). СПб., 2007.
2. *Волков В.А., Куликова М.В.* Христофор Семенович Леденцов и его Общество // *Природа* 1991. №2.
3. *Борисов В.П.* Старовер и член Французской академии из династии Рябушинских // *Российская научная эмиграция. Двадцать портретов.* М., 2001.
4. *Колубовский Я.Н.* // *Исторический вестник.* 1914. №4.
5. *Абрикосов Х.Н.* Семейная хроника // *НИОР РГБ.* Ф.369. Оп.14. Д.372.
6. *Абрикосов Д.И.* Судьба русского дипломата. М., 2008.
7. *Стечкин Б.С.* Подходит крейсер — неизвестно какой. Из фотографической семейной хроники // *Природа.* 2009. №7.
8. ЦИАМ. Ф.418. Оп.318. Д.1375.
9. ЦИАМ. Ф.418. Оп.89. Д.733.
10. *Рубцов В.В.* // *Вопросы психологии.* 2004. №2.